



МИР ЧАРУЮЩЕЙ МУЗЫКИ

СЦЕНА БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР В НАШЕ ВРЕМЯ, СРАВНИТЕЛЬНО НЕДАВНО НАЧАВШЕМСЯ СЕЗОНЕ УЖЕ В ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ГОСТЯМ. ТРУППА ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА ИМЕНИ ЗАХАРИЯ ПАЛИАШВИЛИ ПРИЕХАЛА В МОСКВУ СПУСТЯ ВСЕГО ЛИШЬ ПОЛМЕСЯЦА ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ГАСТРОЛЕЙ ДРЕДЕНСКОЙ ОПЕРЫ; ЕЩЕ НЕ УСПЕЛИ СТИХНУТЬ РАЗГОВОРЫ ВОКРУГ СПЕКТАКЛЕЙ ТЕАТРА «ОПЕРА РОМЫНЕ», ПОКАЗЫВАЮЩЕГО МОСКВИЧАМ ЖИВУЮ ЛЕГЕНДУ РУМЫНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ СЦЕНЫ — ЭДИПА» ЗНЕСКУ. И ЧЕШЕ ЖЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГРУЗИНСКИХ АРТИСТОВ СРАЗУ ОТТЕСНИЛИ ВСЕ ПРЕДЫДУЩИЕ, А ВОДНА ИНТЕРЕСА К ГАСТРОЛЯМ НАРАСТАЕТ БУКВАЛЬНО ДЕНЬ ОТ ДНЯ.

Тбилисцы привезли в столицу десять спектаклей — три балета и семь опер. Оперный репертуар подобран со вкусом и на удивление разнообразен. Здесь и первенец грузинского советского музыкального театра «Данси» З. Палиашвили, и замечательные шедевры русской и зарубежной классики, каждый из которых составил эпоху в истории музыки: «Борис Годунов» Мусоргского и «Дон Жуан» Моцарта, «Трубадур» Верди и «Саломея» Р. Штрауса. На афише также два произведения, созданные специально для театра и в тесном сотрудничестве с ним — «И было в восьмой год...» Б. Кекелидзе и «Музыка для живых» Г. Канчели.

Трудно поверить, что все эти спектакли, за исключением «Данси», увидели свет в течение двух минувших сезонов, что нынешние гастролы — первый крупный выезд театра за последние десятилетия (в 1977 году в Москве была показана лишь «Лелая» Р. Лавджиа), что большинство исполнителей никогда не выступило не только на главной сцене страны, но и вообще на «чужих подмостках». К части наших гостей надо признать, что они быстро справились с естественным волнением и освоились в непривычной обстановке (спектакли идут с одной репетицией). С каждым выходом на сцену солисты театра все больше раскрывают свои вокальные и актерские возможности.

Конечно, гастролы тбилисцев в Москве — не сплошная цепь триумфов. Они могли бы стать таковой, если бы руководство театра с самого начала избрало курс на «глава-показ», отбрав несколько «беспроигрышных» спектаклей и включая в них только «звезд». Однако этому было мудро предпочтено иной жанр — честный рабочий отчет. Для недавно реорганизованного коллектива сейчас, видимо, особенно важно взглянуть на себя со стороны, трезво оценить собственные возможности и перспективы. И в этом отношении выступление на прославленной сцене Большого не только экзамен на творческую зрелость, но и колоссальный художественный стимул.

Классические оперы, поставленные в театре имени Палиашвили разными режиссерами. В их прочтении достаточно отчетливы две тенденции — традиционная «оперная» и синтетическая «музыкально-театральная». Первая наиболее ярко и обособленно заявлена в «Данси» — спектакле, воспринимавшемся сегодня как давн уважение славы истории Грузинского оперного театра и основателю этого театра А. Цуцуава. Его реалистическая режиссура, возобновленная в 1977 году З. и Дж. Анджапаридзе, отражает характерные приметы национального бытия и одновременно создает максимально благоприятные условия для солистов, хора, артистов балета, чутко отменяет милодический поток музыки Палиашвили. Красочны и выразительны по-оперному плавно переходящие друг в друга мизансцены, подчеркнутые гармоничной цветовой гаммой костюмов и декораций (художник И. Асгурава). В динамичных эпизодах, особенно в сцене нападения врагов во втором действии, движение больших масс сце-

нически эффектно и удачно связано с музыкой. Комплексно звучит хор (консултант Я. Думин), главный хормейстер А. Чхикадзе), впечатляет насыщенность оркестровой палитры (дирижер-постановщик Д. Мирдзулава), исполнены блестящие балетные сцены, где выделяются Я. Долаберидзе и В. Гунашвили (балетмейстер-постановщик И. Сулимаки) — со сцены зрительный образ был повторен на «бис». Отличную подачу звука, совершенное владение дышащим продемонстрировали Л. Чхвица, (Маро), А. Хомерики (Мидхал), ярко характерные музыкально-пластические образы создала В. Кандеали (Тито) и Т. Чхикадзе (Цагала), запомнились Э. Гашадзе (Каззо) и М. Агдате (Нало). Уже в день открытия гастролов опера завершилась овацией верноподданного зала.

К традиционно-оперной линии можно причислить и две постановки ленинградцев: режиссера А. Петрова и художника В. Фирера (несмотря на их стремление и зрительным метафорам и к условному решению сценического пространства) — «Трубадур» (дирижер-постановщик П. Бульвинков) воспринимается как дань традиции «концерта в костюмах» (если воспользоваться термином давних критиков оперного жанра), «Борис Годунов» — реализация привычных представлений о реалистически-народной драме, прочтенной к тому же скорее в бытовом ключе, с изысканными сценическими подробностями, которые порой мешают и солистам, и хору. Может быть, коллективу тбилисского театра, во главе которого стоит авторитетная режиссерская коллегия (Г. Мелива, Р. Струва, М. Туманишвили), следовало бы в дальнейшем при интерпретации классики опираться на собственные силы! Ведь в современной опере неудачное режиссерское решение отрицательно сказывается и на музыкальном уровне спектакля! Во всяком случае, у зрителей и слушателей Большого театра в эти дни порой складывалось впечатление, что на одной сцене попеременно выступают две разные труппы...

Впрочем, если говорить о чисто музыкальной стороне обеих постановок, то здесь нельзя не отметить целый ряд удач. Прежде всего, это относится к П. Бурчуладзе и Ц. Татишвили, М. Амаришвили. Из достойными партнерами выступили Н. Анджапаридзе, Т. Гургенидзе, Т. Гугушвили, А. Шомазия, А. Хомерики, М. Эгдза, Дж. Мдивани и Р. Какабадзе, Н. Надибандзе...

Огромный вклад не только в музыкальное, но и сценическое воплощение обеих спектаклей внес художественный руководитель и главный дирижер театра Дж. Кахидзе, ведущий в Москве почти все оперные постановки тбилисцев и балет «Серебристый» на музыку П. Чайковского. Скупым и вместе с тем чрезвычайно выразительным жестом, минимой он буквально лепит каждую фразу, словно пропевая ее вместе с солистами. Его интерпретация каждой партии — не только целостная и глубокая музыкальная концепция, полностью соответствующая стилю эпохи и индивидуальности почерку автора. Это еще и точнейшая прорисовка деталей, причем деталей, затрагивающих не сценический образ, красочно отягачивающий ситуацию, как бы подсказывающих актерам жест, интонацию, даже мизансцену. И тогда мастер такого класса обретает союзника и единомышленника

ка в лице режиссера, то рождаются спектакли поистине ослепительные.

Таков «Дон Жуан» в постановке М. Туманишвили и Дж. Кахидзе. Мастери развешено пространство, лаконичная и образная емкая сценография Ю. Гегелидзе позволяет режиссеру свободно менять место действия, рельефно выделять «крупные планы» — целый каскад блистательных концертных номеров, строить динамичные, хочется сказать «воздушные», ансамблевые и массовые сцены, остроумно и изобретательно доказывать в пластике то, что скрыто между строк либретто да Покта и партитуры Моцарта. А как прилично чувствуют себя в этих условиях певцы! Как радостно открывают они в себе неведомые прежде актерские потенции, с какой легкостью естественные и удобные движения рождают нужную интонацию! Музыкально — актерский ансамбль постановки равно успешно возглавляют оба Дон Жуана (З. Цицкеридзе и А. Шомазия) и оба Лепорелло (П. Бурчуладзе и Н. Надибандзе). Отметить другие сценические и певческие удачные моменты было бы перечислить весь состав исполнителей.

Другая беспорная вершина нынешних гастролов — «Саломея» Р. Штрауса в постановке Г. Мелива и Дж. Кахидзе и в сценической оформлении З. Надибандзе. Сегодняшний артист как-то стесняется высоких фраз и громких вступлений — быть может, потому, что за последнее время они сильно обесценились от частого и бездумного употребления. И все же справедливо ради нельзя не сказать: после гастролов в Москве труппы «Ла Скала» с М. Кабалле и партии Нормы в К. Аббадо за дирижерским пультом лично мне не приходилось испытывать такого сильного художественного потрясения в оперном театре. Мастерство исполнителей заглавной партии Ц. Татишвили настолько совершенно, в ее вокальные возможности столь безграничны, что для слушателя эти критерии уже как бы перестают существовать. Колдовская музыка Р. Штрауса захватывает с первой ноты и затем уже не позволяет ей на минуту отвлечься — вплоть до конца оперы, идущей в буфальном смысле слова на одном дыхании. Счастливый находка постановщика — распада оркестров на уровне партера и сцены. Само по себе зрелище огромного оркестра, идеально выполняющего свои профессиональные задачи, способно доставить эстетическое наслаждение. И хотя взгляд зрителя устремлен выше — на ступени дворца юдеевского царя — все же этот «нижний план» невольно захватывается в подосаждение, придавая всему происходящему на сцене торжественность ритуала.

Г. Мелива во многом следует указаниям самого композитора, требовавшего максимальный сдержанности сценического действия и прежде всего — решения образа Саломеи... Вместе с тем режиссер создает увлекательное, впечатляющее театральное зрелище, удачно сочетая символические и реалистические элементы. Подобное сочетание диктует и сама музыка, в которой, согласно определению Г. Орджоникидзе, «все идет от романтизма и все отрицает его». Еще одна заслуга постановщиков — чуткое раскрытие психологического подтекста, глубина достижения подсознательного. Образы выписаны настолько рельефно, в таком соответствии с индивидуальностью конкретных исполнителей, что невольно возникает ощущение, будто каждый из них рожден для этой партии: Нодар Анджапаридзе, Э. Чхикадзе — Ирод, Т. Гургенидзе — Иродиада, Дж. Мдивани — Иоканан, А. Пиолия — Наррабод.

Успешные гастролы тбилисского театра оперы и балета в Москве продолжают...

Наталья ЗЕЙФАС,
заведующая отделом журнала «Советская музыка», кандидат искусствоведения.